

Ли Сы всё никак не решался выключить компьютер, раз за разом просматривая фотографии и видеозаписи. На экране его младший сын Бэйшэн весело возился со своими племянниками.

Когда Гоудань снова завёл разговор о поездке в США, отец притих. Но то, что старик не стал сразу отнекиваться, выдавало его сомнения: срываться с насиженного места не хотелось, но сердце так и рвалось повидать внуков.

Пока Ли Сы мучился сомнениями, Гоудань подлил масла в огонь:

— Бэйшэн ведь тоже по вам соскучился. Через полгода парню уже восемь стукнет. Он там, в США, вовсю зубрит английский под присмотром Ван Сюаня. Если так и будете тянуть, он вообще забудет, как отец с матерью выглядят.

— Выдумаешь тоже, — буркнул Ли Сы, хотя на душе у него заскребли кошки. Ребёнок — и вдруг забудет родителей? Однако чувство вины всё же грызло старика. Сам он круглые сутки грезил о внуках, а ведь о младшем сыне толком и не заботился. Бэйшэн родился нечаянно, на старости лет, и все заботы о его воспитании взял на себя старший брат.

Когда-то его жена, тётушка Яо, плакала от тоски по сыну, но Ли Сы так и не пустил её навестить мальчика. Он прекрасно знал цену себе и своей супруге: грамоте они не обучены, ума немного — разве вырастили бы они человека?

Гоудань не стал больше настаивать, предоставив отцу самому всё обдумать. Из двора уже доносились аппетитные запахи жареного мяса и овощей. Там вовсю кипела работа: помогать тётушке Яо вызвались деревенские кумушки и невестки. Народу собралось столько, что домашняя рисоварка просто не справилась бы. Тётушке Яо пришлось достать старый огромный котёл и развести огонь на очаге прямо во дворе. Даже телохранители помогали — таскали дрова и пристраивали тяжеленный чан на огонь.

Сам Ли Кай во двор соваться не стал. Вместо этого он дружески приобнял за шеи Цзиньбао с Иньбао, увлекая их в неспешный разговор.

В детстве братья шарахались от него как мыши от кота. Дружбы между ними никогда не водилось. Родственников у Ли Кая хватало, но делом ему помогала только ветвь старой тётушки — например, брат Мингуан. Остальная же родня из родового гнезда исходила завистью к их богатству. Понимая, что пожить тут нечем, завистливые тётки да дядя за глаза грязью их поливали при каждом удобном случае.

Пронеслись годы. Цзиньбао и Иньбао дожили до седин, так ничего в жизни и не добившись. А презируемая некогда семья Ли Сы, напротив, взлетела так высоко, что с ней теперь никто в округе сравниться не мог.

Огромное состояние и влияние Ли Кая были для них недостижимы, даже если бы они прожили ещё десяток жизней. Осознав это, родственники наконец поумерили спесь и успокоились. Теперь, когда Ли Сы бывал в родной деревне, они послушно шли к нему засвидетельствовать

почтение и перекинуться парой слов.

Цзиньбао и Иньбао уродились парнями бесхребетными, и дома их вовсю строили собственные бабы. Пока жива была старая госпожа Ли, в их избе каждый божий день гремела посуда и летели перья. Но стоило бабке преставиться, как невестки живо прибрали всё хозяйство к рукам. Мать братьев теперь ходила по струнке, боясь пикнуть: полжизни терпела понукания грозной свекрови, а под старость пришлось угождать невесткам. Родителей братьев, почтенных стариков, невестки нещадно гоняли работать в поле — мол, нечего дармоедам хлеб переводить.

Позже старшая тётя Ли безвременно сошла в могилу, и жизнь её мужа превратилась в сущий ад. Некому стало обстирать старика, некому обед сварить или заштопать лохмотья. Век доживал, ловя каждый косой взгляд сыновей да злых невесток, и даже выговориться было некому. Стал он в собственном доме дряхлым, никому не нужным бревном.

От такой тоски старик повадился каждый день ходить к младшему брату, Ли Сы, и жаловаться на горькую долю. У Ли Сы от этих стенаний уши вяли, но брата он всё равно жалел — тот ведь весь согнулся от болезней, а племянники перед своими бабами слова сказать не смели. Ли Сы подкидывал бедолаге денег на лекарства, отдавал добротную старую одежду, а иногда просто звал за стол хлебнуть горячего вина.

Глядя на брата, Ли Сы понимал, что сам-то устроился в жизни отлично. Жалость растопила старые обиды, и братья снова стали близки, забыв былые дразги.

Всю жизнь его мешали с грязью, а на старости лет братья и племянники вдруг толпой повалили в гости. Ли Сы никого не гнал — гость в дом, так заходи, благо отказывать людям он сроду не умел. За те годы, что старик провёл в деревне Сикань, семейство Ли на удивление сплотилось, и со стороны их отношения теперь казались образцом семейного лада.

Ли Сы был уже не в тех летах, чтобы самому таскать тяжести. Когда к его дому подкатывали телеги и грузовики с товаром, на разгрузку сбегались не только соседи, но и кровная родня. Со временем Цзиньбао и Иньбао и вовсе перешли к нему в наёмные работники. Ли Сы платил им небольшое жалование каждый месяц, и все остались довольны.

На эти житейские мелочи Ли Кай закрывал глаза. Отец за эти годы помог стольким односельчанам, что не знал отбоя от гостей и наотрез отказывался ехать в Столицу. В Сикани его всегда окружали люди, так что скучать старику не приходилось.

Сам Ли Кай все эти годы молча наблюдал за новоявленной родственной любовью. Пускай у прихлебателей на уме были свои корыстные расчёты, отцу от их компании становилось легче на душе. Раз так, то и Гоудань не скупился на вежливые улыбки для дядёв и кузенов.

Цзиньбао и Иньбао до смерти робели перед кузеном. В детстве Гоудань частенько гонял их по деревне с кулаками, да и во взрослой жизни они оставались чужими людьми. У братьев уже свои семьи подрастали, чай не мальчики, чтобы по шее получать, да и повода вроде нет. Но страх сидел глубоко внутри. Стоило сравнить холёного, властного Ли Кая с ними самими — и

сразу становилось ясно, что они люди из совершенно разных миров.

Ли Кай собственноручно налил им чаю и придвинул заморские сладости. Братья сидели как на иголках, едва дыша, и даже вежливую благодарность принимали с робким поклоном.

Поскольку Ли Кай выбирался в родные края нечасто, уже на следующий день он закатил пышный пир в честь рождения наследников. Гостям объявили, что празднуют первый месяц жизни малышей. Деревенские тут же принялись озирались: «А где же виновники торжества?» Ли Кай с улыбкой пояснил, что дети ещё слишком малы для дорожной тряски, а застолье устроено ради того, чтобы вся округа знала: у ветви Ли Сы родилось третье поколение.

Деревенские с удовольствием принялись за еду и выпивку. Ли Кай сразу предупредил, что никаких денежных подношений в красных конвертах не примет: пускай лучше просто скажут тёплые слова, чтобы детки росли здоровыми и крепкими.

Кое-кто, конечно, чесал языком за спиной: мол, никакой свадьбы у Гоуданя отродясь не было, а дети как-то ухитрились родиться. Сплетничали взахлёб, но набрать наглости и полезть к Ли Каю с расспросами никто не посмел — дураков не нашлось. Самому же Гоуданю было глубоко плевать, какие небылицы выдумывают кумушки; ему требовалось лишь официально заявить перед родом, что у него родились законные наследники.

Раньше-то в деревне судачили, будто Гоудань с Ван Сюанем так и останутся бобылями без детей, а всё их баснословное состояние перейдёт Бэйшэну или разлетится между родственниками. Теперь же все кусали локти: видать, Ли Кай давно тайно сошёлся с какой-то столичной барышней из приличной семьи, просто не стал хвастаться деревенской голытьбе. Вон, целых наследников родили!

В итоге завистники прикусили языки и принялись уплетать дармовое угощение, соревнуясь в красивых тостах.

На торжество съехались все отпрыски рода Ли, от мала до велика. Ли Кай не видел двоюродных братьев и сестёр целую вечность. Когда он уезжал грызть гранит науки, одни сёстры уже вышли замуж в чужие деревни, а другие братья ещё пешком под стол ходили. За исключением кузины Сянсян, с которой он изредка общался, родственные узы давно оборвались. Не представь их кто-нибудь сейчас, Гоудань ни за что не угадал бы, кто из них кто.

Вышедшие замуж кузины — Сяюй, Личунь, Сяомань и Хунхун — изменились до неузнаваемости. Жизнь измотала их: на вид им едва перевалило за тридцать, а казались они уставшими пятидесятилетними бабами. Говорили они зычно, на всю округу, растеряв былую девичью робость и хрупкость. Закатав рукава и подвернув штаны, они бесцеремонно усаживались прямо на землю, подложив под зад старые калоши, если не хватало скамеек, и громко орали, делаясь деревенскими новостями.

Когда разговор заходил о чём-то весёлом, бабы заливались громогласным хохотом, брызгая слюной. Если же разгорался спор, они бросались в бой с такой яростью, что пыль летела

столбом. Ли Кай невольно подумал: будь у них такой боевой оскал в юности, старая госпожа Ли с родителями ни за что не выдали бы их замуж насильно, словно скотину сбыли с рук. А теперь присмотришься — и в каждой проглядывают замашки покойной бабки.

Время, словно тупой топор дровосека, перекроило этих женщин так безжалостно, что Гоудань с трудом узнавал в них прежних сестёр.

Зато они Гоуданя признали сразу и наперебой нахваливали его статную фигуру и благородное лицо. Ли Кай слушал это с усмешкой: вообще-то титул записного красавца в их союзе всегда принадлежал Ван Сюаню.

Двоюродной родни набралось прорва, как по отцовской линии, так и по материнской.

Поначалу родственники робели и помалкивали. Но за пару дней, видя, как добродушно улыбается Гоудань, они разом позабыли, каким свирепым и злопамятным волчонком тот рос в детстве. И началось: каждый норовил выпихнуть вперёд своего оболтуса, упрашивая Ли Кая пристроить чадо на тёплое местечко. Родня в один голос запела старую песню:

— Мы ведь одна кровь! Компания у тебя знатная, пусть племянники присматривают за добром — свои-то не украдут, надёжнее чужаков будет. Негоже посторонним на твоих дрожжах богатеть, пока близкие перебиваются с хлеба на воду!

Младшая тетушка Ли Бо и вовсе зашла с козырей. Она притащила за руку свою дочку, которая даже среднюю школу толком не окончила, и бесцеремонно заявила, что девчонка отлично подойдёт Ли Каю в секретари:

— Много платить не надо, положи ей для начала тысяч десять юаней в месяц. Родная ведь сестрица, чай не чужие люди!

Ли Сы весь сжался от страха, ожидая, что сын сейчас сорвётся и устроит разнос — совсем его младшая сестрица берега попутала! Однако, к всеобщему удивлению, Ли Кай лишь ласково улыбался, не говоря ни «да», ни «нет». Когда ему расписывали таланты очередного юного дарования, он сочувственно кивал: «Замечательно, прекрасно». Но дальше этих пустых слов дело не шло.

Когда праздничный угар поутих, тоска по внукам окончательно взяла верх над страхом перед долгой дорогой, и Ли Сы согласился лететь в США.

Стоило отцу уступить, как Ли Кай тут же велел оставить тюки и чемоданы дома — всё необходимое он пообещал купить прямо на месте. Ли Сы повесил на калитку тяжёлый замок, усадил взволнованную жену в сверкающий внедорожник, и они с шумом укатили, оставив позади родную Сикань.

Деревенские лопались от зависти, глядя вслед уезжающим машинам.

— И на кой-чёрт рожать по десять сыновей? — судачили бабы у колодца. — Вырастут дуб дубом, только обуза. Уж лучше одного такого вырастить, чтоб под старость лет как короли жили!

Следом досталось и тётушке Яо. Никто и представить не мог, что разведёнка, которую бывший муж выставил за порог за бесплодие, отхватит такой куш. Надо же — приглянулась Ли Сы, на старости лет разродилась здоровым пацаном, а теперь катит за океан роскошную жизнь вести!

Больше всего желчи деревенские кумушки изливали на тётушку Яо. Та, кого ещё вчера мешали с грязью и ни во что не ставили, сегодня жила как барыня во дворце. Смириться с этим бабское самолюбие не могло, вот деревенские и исходили слюной, пытаясь отыскать в её жизни хоть какое-то пятнышко, чтобы унять собственную зависть.

В Столице они задержались ещё на две недели, оформляя документы, и только потом Ли Кай в сопровождении секретарей, охраны, отца и мачехи сел на самолёт до США.

Малышам к тому моменту шёл уже третий месяц. Пышный деревенский пир в честь их первого месяца на самом деле устроили с опозданием — детям шёл второй месяц, но Ли Каю просто нужно было соблюсти приличия перед односельчанами.

Многочасовой перелёт оказался суровым испытанием для пожилых людей. Хотя в первом классе и можно было вытянуться во весь рост, самолётные кресла не заменят привычной домашней постели. Чтобы отвлечь измученных родителей, Ли Кай достал пачку свежих фотографий малышей, которые Ван Сюань прислал накануне — этих снимков Ли Сы ещё не видел.

Ли Сы расплылся в благодушной улыбке, обнажив ровные белые зубы. Настоящие-то зубы у него начали крошиться ещё к пятидесяти годам: сначала старик мучился с корявыми железными коронками, из-за которых не мог прожевать даже свиные ребрышки, но потом, во время поездки в Столицу, этот протез окончательно развалился. Тогда Ли Кай вместе с Ван Сюанем отвели отца в дорожную клинику, где ему установили отличные металлокерамические зубы, пообещав, что те прослужат не один десяток лет.

В свои шестьдесят восемь Ли Сы выглядел куда свежее сверстников и родных братьев — сказывался хороший уход. Десятичасовую дорогу он перенёс на удивление стойко: сойдя с трапа, лишь слегка покачнулся от усталости, но быстро пришёл в себя. Зато его супруге, которая была на несколько лет моложе, пришлось солоно. Тётушке Яо потребовалось несколько дней тишины и покоя в поместье в США, прежде чем она смогла подняться на ноги.

Зато когда старики наконец обняли долгожданных внуков и увидели, как подрос и окреп их младший сын Бэйшэн, все тяготы пути мигом забылись. Ли Кай распорядился возить родителей на прогулки по городу, и Ли Сы так и сиял от счастья.

— В жизнь бы не поверил, что доживу до такого, — делился он восторгом с женой. — В нашей глуши даже уездные начальники дальние провинции не выбирались, а мы — поди ж ты!

Деньги и влияние сына давали старику небывалую уверенность в себе: куда бы они ни пошли, их принимали по высшему разряду. Ли Сы, повидавший мир, заметно приободрился и стал куда разговорчивее прежнего.

Ещё бы — добраться до самых США! От обилия иностранцев с их высокими носами и глубоко посаженными глазами у него поначалу натурально голова шла кругом.

<http://bllate.org/book/19654/1996893>